

ЕЛЕНА ЧАЛОВА

Ребенок моего мужа

Елена Чалова

Ребенок моего мужа (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958844

Ребенок моего мужа: повести: Центрполиграф; Москва; 2012

ISBN 978-5-227-04000-8

Аннотация

Героиня повести «Ребенок моего мужа» счастлива в замужестве. Как-то в парке, по соседству с домом, она встречает пожилую женщину с маленьким ребенком. Оказывается, бабушка воспитывает внука после смерти дочери. Случайно Катерина узнает, что отец мальчика – ее собственный муж, и, похоже, он ничего не знает о существовании сына. Катерина стоит перед сложным выбором...

Ирма из повести «Бизнес-план для аспирантки» и не помышляла о бунте против обыденности. Но однажды ее работа показалась ей тюрьмой, и она решила круто изменить свою жизнь. По протекции подруги она устроилась на фирму, предоставляющую выставочные услуги. Первый же крупный заказ вывел ее на охранную контору бывшего возлюбленного, который когда-то порвал с ней отношения без видимой причины...

Содержание

РЕБЕНОК МОЕГО МУЖА	4
Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	49
Глава 4	57
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Елена Чалова

Ребенок моего мужа

РЕБЕНОК МОЕГО МУЖА

повесть

Глава 1

Нет, я не представляю, на кого это сшито! – Стоя перед зеркалом в примерочной, высокая девушка – блондинка с голубыми глазами – безусловно и совершенно сознательно похожая на Мадонну – выдохнула. И «молния» на юбке, застегнутая с таким трудом, тут же разошлась снова. – Ты только посмотри! Эта юбка сшита не на женщину, а на манекен... А может, просто на доску! Ведь не могут бедра быть того же объема, что и талия? – жалобно протянула девушка.

Черный костюмчик – отделанный рыжим мехом жакет и короткая юбочка – вернулся на вешалку, сопровождаемый негодованиями по поводу ущербности итальянских модельеров, которые ничего не смыслят в женских фигурах. Выговорившись и успокоившись, молодая женщина повернулась к соседней примерочной:

– А у тебя как? Катерина, ну что ты так долго?

Звякнули кольца, штора поползла в сторону, и Катерина, улыбаясь, пошла через зал к большому зеркалу. Платье из буклированного трикотажа теплого оттенка осенних листьев облегло красивую фигуру молодой женщины. Изящный крой и мягкая ткань подчеркивали крутой изгиб бедер (и никто никогда не посмел бы сказать, что они одного размера с талией) и высокую грудь. «Перевернутый» воротник – закрытая шея и вырез на спине – придавал платью очаровательную пикантность.

Любая женщина знает, когда вещь ей действительно к лицу. И Катерина уверенно поворачивалась перед зеркалом, гордо держа голову с тяжелым узлом светлых волос на затылке. Зеленые глаза с золотыми искорками лучились смехом, а полные губы неудержимо складывались в улыбку, когда она смотрела на раздосадованную подругу. Та топнула ножкой, как обиженный ребенок, и сердито сказала:

– Да ну тебя. На диете ты не сидишь, попа у тебя больше моей, но выглядишь ты все равно здорово.

Катерина сказала, ничуть не обидевшись:

– Дурочка ты, Иришка. Просто у меня другой стиль. Ты ведь не наденешь это платье, для тебя оно слишком длинное – аж по колено. И слишком простое. А мне не подойдет этот костюмчик – слишком обтягивает, а на юбку они явно пожалели ткани – совсем коротенькая. Да еще эта «молния» спереди...

– Д-а. – Ира перестала обиженно хмуриться и вновь мечтательно уставилась на костюм. – Но сейчас это самый писк, и мне хотелось именно такой.

– Ну давай сходим в ГУМ или в «Пассаж».

– Ты что! Там так дорого. Артур меня убьет. Знаешь, как он злился в прошлый раз, когда я потратила все деньги за два дня. Он, видите ли, выделил их на питание на месяц... Нет, ты знаешь, что он мне устроил?

И все время, пока они оплачивали покупки, выбирались из ЦУМа и шли в ГУМ («Ну давай заглянем на минутку – там сейчас распродажа»), Катерина в который раз выслушивала историю подружки про деспота и мещанина, за которого она вышла замуж («Тут я полностью согласна с моей мамой – это определенно был мезальянс»). На ее взгляд, Артур – добрый и умный человек, оборотистый делец – стойчески сносил все выходки своей взбалмошной жены. Но иногда Иришке все же удавалось пробить брешь в его невозмутимом благодушии – и тогда разражался скандал.

Первое время, когда после очередной бурной сцены подружка приезжала выплакаться и обсудить предстоящий развод, Катерина расстраивалась и переживала, боясь, что дело дойдет до настоящего разрыва. Но потом, присмотревшись к происходящему, она пришла к мысли, что оба скандалиста получают своеобразное удовольствие от ссор, бурных сцен и от следовавших за ними примирений. Так что теперь, выслушивая очередную историю («Он хочет сделать из меня свою

маму!»), Катерина то сочувствовала подруге, то поддразнивала ее.

Ей самой подобный стиль в отношениях с мужем был совершенно чужд. В который раз молодая женщина, выслушивая очередные «Я ему говорю – ты мещанин! А он меня знаешь как называл?», удивлялась. Как можно наговорить друг другу столько гадостей, так разнести всю совместную жизнь, как дважды два доказать, что твоя вторая половина совершенно не подходит тебе ни по моральным, ни по физическим данным, – и на следующий день ворковать с мужем по телефону: «Да, пусик, я приеду. Я ты заказал мой любимый десерт? А что ты хочешь, чтобы я надела? А под платье?»

Катерина вспомнила свою последнюю размолвку с мужем. Ну, ссорой это было трудно назвать, но все же... Это раздражало, так как источник беспокойства находился извне и являлся – кто угадает? – правильно – любимой свекровью. С другой стороны, она даже не особенно переживала: подобные сцены повторялись не раз, и заканчивалось все приблизительно одинаково. Надо просто переждать, без лишних эмоций делая все по-своему.

Девушка очень скоро оставила надежду на то, что когда-нибудь мама мужа станет для нее родным человеком. Сама Нина Станиславовна, даже после того как поневоле приняла невестку, совершенно не стремилась к установлению каких-то близких отношений. Да ей и в голову не приходило, что они могли бы подружиться. Вот если бы девчонка слуша-

лась – тогда другое дело. Сама того не понимая, Нина Станиславовна безотчетно пыталась повторить ту ситуацию, в которую попала сама, когда стала молодой женой. Свекровь всегда для нее была непререкаемым авторитетом, и невестке в голову не приходило просто пойти наперекор ее воле.

Родители Нины Станиславовны были служащими среднего звена, а Ниночка, обожавшая кино, мечтала стать актрисой. Когда девушка заявила матери, что будет непременно сниматься, мудрая женщина не стала устраивать сцен. Она прекрасно знала дочкин характер и понимала, что проще простого запретить и тем самым настроить против себя строптивую девочку. Мать понимала, что дело не в актерстве. Просто Ниночка мечтала иметь то, что, по ее мнению, есть у знаменитых и публичных людей, – деньги, красивую жизнь, славу. Мама с папой перетрясли всех друзей и знакомых, но раздобыли нужного человека. И вот мама торжественно объявила Ниночке, что к ним придет на ужин настоящая актриса. Второй план, но фамилия была узнаваема.

– Она тебя послушает, посоветует как и что, все-таки знающий закулисную кухню человек, – говорила мама.

И актриса не подвела. Роль свою она исполнила с блеском. Выслушала басню, потом монолог Катерины из «Грозы» Островского и сумела даже ни разу не улыбнуться. Объявила, что девушка не бесталанна, но трудов артистическая карьера будет стоить немалых. Потом, за чаем с пирогами, рассказала пару историй из актерских будней. А уж когда мама

пошла в кухню, придвинулась к Ниночке и негромко принялась давать советы другого рода: «Оно, конечно, звучит грубовато, но ведь ты захочешь роли приличные получать? А без этого в нашем деле никак. Если режиссер мужчина – сама понимаешь. Если женщина? Ну, они-то самые и есть... Что глаза круглые делаешь? Не знала такого?»

Как и надеялась мама, разговор этот сильно охладил пыл дочки. Нина задумалась – сколько придется трудиться, прежде чем она приблизится к заветной цели? Посоветовавшись с мамой, Ниночка поступила в историко-архивный и с головой погрузилась – нет, не в учебу, а в праздник студенческой жизни. Отец, дожидаясь дочь с очередной вечеринки, вечером на кухне выговаривал жене, но та качала головой: их Ниночка не глупа, она не потеряет голову из-за какого-нибудь бесперспективного длинноволосого оболтуса с гитарой. Девушка хотела найти обеспеченного мужа, который открыл бы для нее двери в красивую жизнь. В то время в Советском Союзе круг таких людей был очень узок: партийные чиновники, дипломаты, работники торговли и искусства. Две последние группы казались Ниночке сомнительными, что значительно сужало круг поиска.

Ей показалось, что она наконец попала в десятку, когда встретила Андрея. Молодой человек начинал дипломатическую карьеру, следуя по стопам отца. Он был холост, хорош собой, и Ниночка почти влюбилась. Впрочем, что значит почти? Она и влюбилась, но голову – в отличие от многих – не

потеряла. Дело в том, что Андрияша оказался заядлым ходоком. Ухаживал он красиво, но настойчиво тянул любой объект в кровать. Помучившись некоторое время над вечным вопросом «спать или не спать?», Ниночка приняла решение пойти ва-банк. Пусть это и плохо сочетается с понятием «девичья гордость» – признаться в любви мужчине, но... но отношения следовало прояснить. И вот после очередной длительной прогулки по Москве, когда они ели мороженое, болтали и целовались в скверике среди сиреневых кустов, Андрей – очередной раз – ненавязчиво спросил:

– Зайдешь?

Ниночка кивнула. Глаза мужчины вспыхнули, и ей на минуту стало страшно, но она уверена была в двух вещах: его порядочности и своем упорстве, а потому смело вошла в прохладный подъезд сталинского дома, а потом и в просторную квартиру. Родители Андрея пребывали в очередной командировке, и он наслаждался полной свободой. Впрочем, как юноша разумный и будущий дипломат, Андрей прекрасно понимал, что в ведомственном доме его свобода всегда была объектом пристального внимания соседей, и вел себя довольно осторожно.

Он провел гостью по квартире, показал коллекцию отца – трости, которые он привозил из всех стран, где работал. Честно говоря, сначала коллекция была просто стратегическим ходом, молодому дипломату посоветовал его кто-то из стариков:

– У человека должно быть хобби. Рыбалка, например. Коллекция чего-то... не очень дорогого, чтобы не обвинили во взяточничестве. Это избавляет родных, друзей и коллег от множества проблем: они всегда знают, что дарить. А у тебя всегда будет тема для разговора и повод для отлучки.

Молодой человек совет принял, а основой будущей коллекции стала хранившаяся в доме трость деда. Очень скоро он действительно увлекся процессом собирательства, обзавелся соответствующей литературой и постепенно стал настоящим, увлеченным коллекционером. Теперь друзья не ломали головы над подарком – и везли трости, тросточки, палки и набалдашники с разных концов Советского Союза и всего мира.

Андрей показал своей гостье самые интересные экспонаты и церемонно спросил, не хочет ли гостя чаю. Ниночка кивнула, и он, оставив ее в гостиной, отправился в кухню.

К концу чаепития разговор практически сошел на нет. Молодые люди ощущали напряжение, повисшее в комнате. Андрей колебался, но в конце концов решил пойти по привычному пути: подсел на диван и, бормоча какие-то ласковые глупости, принялся целовать девушку, подбираясь к воротничку блузки.

Однако Ниночка не дала слабой плоти взять вверх над духом и заявила ухажеру, что если он ее не любит, а хочет приятно провести время, то отношения их должны ограничиться совместными прогулками, и не больше. Должно быть, у

девушки все же имелись актерские данные. Она прекрасно сознавала, как трогательно и беззащитно выглядела, когда сидела с распущенными волосами на уголке дивана и, прижав кулачки к груди, смотрела на растерянного молодого человека огромными, полными слез глазами.

– Пойми меня, Андрей, – говорила она дрожащими губами. – Я люблю тебя... действительно люблю и знаю, что твое чувство ко мне не так серьезно... Если ты настаиваешь – я согласна... на все. Только ты... не предай меня, пожалуйста.

Молодой дипломат, привыкший к легким отношениям, проникся уважением к девушке. Они остались друзьями. Он даже познакомил ее с мамой. А потом встречи их становились все реже и реже, и было понятно, что дружба скоро кончится совсем... Нина страдала, но что было делать? Стать игрушкой на время? Так глупо она не собиралась завершить свой проект. Похоже, надо начинать поиски нового варианта. Но тут в жизни Андрея произошли некоторые перемены. Отец объявил, что через год молодой человек отправится в первую в своей жизни заграничную командировку... если в этом году женится.

– Но почему я должен жениться? – растерянно спрашивал сын.

– Потому что такова политика нашего правительства. Неженатому меньше доверяют, он ненадежен. И даже я не смогу составить тебе протекцию для получения назначения в приличную страну.

Родители заметались, подыскивая невесту. Андрей пребывал в прострации. И вдруг вспомнил Ниночку: ее огромные, полные слез глаза и то, как она говорила: «Я тебя люблю». Как он мог так легкомысленно отвергнуть чувство порядочной, чистой девушки! И ведь она нравилась ему. Андрей бросился к телефону. Молодые люди встретились, и угасшее было чувство вспыхнуло с новой силой. Теперь Андрей чуть ли не с порога объявил о своем желании жениться, но торопить с близостью Ниночку не стал: зачем, раз он и так свое получит. В конце концов, это даже забавно – первая брачная ночь и все такое.

После того как родители молодых познакомились между собой, мама тихонько сказала Ниночке:

– Тяжко тебе придется, детка. Свекровь суровая женщина.

– Ничего. Это ведь только здесь, а уж в командировках я буду сама себе хозяйка.

У Нины хватило ума не ссориться с властной женщиной. Больше того, она охотно училась у нее, часто копировала ее манеры и с возрастом все больше становилась похожа не на свою собственную мать, а на свекровь.

И вот теперь, когда Нина Станиславовна сама стояла перед фактом, что ей волей-неволей все же придется обзавестись невесткой, она попыталась играть роль ментора: учить провинциалку манерам, кулинарным премудростям и прочему, что так необходимо хорошей жене. Но вот поди ж ты – эта

выскачка не желала смотреть ей в рот и благодарно кивать, выслушивая поучения! По этой причине отношения невестки со свекровью не заладились с самого начала.

Был солнечный сентябрьский денек, и молодые женщины решили пройтись по Кузнецкому Мосту. Каблучки стучали по булыжнику, солнце отражалось в витринах, пуская зайчиков в глаза прохожим. Мужчины провожали подружек восхищенными взглядами. Они совсем разные, и каждая по-своему хороша. Иришка – мечта восточных мужчин. Высокая пепельная блондинка, очаровательное кукольное личико, яркие губы и широко распахнутые голубые глаза.

Катерина относилась к другому типу женщин – невысокая, с очень женственными формами и пышной грудью. Ее лицо нельзя было назвать красивым в классическом смысле – чертам недоставало правильности. Но мало кто мог остаться равнодушным, увидев карие глаза с золотыми искорками, ровные дуги бровей и большой рот с чувственными губами. Чудесные каштановые волосы, выующиеся от природы, завершали облик, имя которому – очарование.

Подружки шли через прозрачный воздух золотого осеннего дня, окруженные сиянием молодости, красоты, заинтересованными взглядами мужчин и завистливыми – женщин.

Поход по магазинам и бутикам ГУМа доставил массу удовольствия, но порядком утомил обеих подруг. Наконец Катерина не выдержала:

– Все, больше не могу. Давай где-нибудь посидим

немножко, а потом поедем домой.

– Хорошо-хорошо, я тоже устала. Давай только еще в «Штальман» зайдем, и все.

– Ладно, но сначала я хочу пить. И есть. И сесть. А если бы можно было где-нибудь прилечь и задрать ноги выше головы, чтобы кровь отлила, – это было бы вообще чудесно.

В маленьком и уютном кафе с мраморными столиками и пальмами в расписных глиняных кадках подруги просмотрели меню, и лица их приобрели задумчиво-жалобное выражение. Пирожные с кремом и фруктами, со взбитыми сливками и шоколадной глазурью, пицца с грибами, маслинами и ветчиной...

– Ой, нет. – Сглотнув, Иришка отодвинула перечень земных соблазнов, губительных для фигуры. – Кофе. Черный. – И с выражением мученицы первых веков христианства, требующей поскорее поджечь костер под ее ногами, добавила: – И пачку «Давидофф лайт».

Понимаяще улыбаясь, официантка спросила Катерину:

– Вам то же самое?

– Да, только кофе с сахаром и сливками. И два пирожных с фруктами и заварным кремом.

– Ты с ума сошла! – Ира недоверчиво смотрела на подругу. – Два пирожных! Ты растолстеешь.

– А одно для тебя.

– Нет-нет, на меня и так не налез тот костюмчик, и вообще...

– И вообще, – передразнила Катерина, – если ты будешь питаться только кофе и сигаретами, то наживешь язву. Пирожное, конечно, не диетический продукт, но... Можем мы иногда доставить себе ма-аленькое удовольствие? Душевный комфорт гораздо важнее, чем один лишний сантиметр на попе.

И, увидев, как страдальчески нахмурилась подружка, торопливо добавила:

– В конце концов, проведешь в спортзале на пятнадцать минут больше, чем обычно...

– Ох, ну я прямо не знаю... Тогда, может, лучше рулетики с ветчиной и грибами? – Ира вновь притянула к себе меню. – А вот тут еще тартинки...

Они съели и тартинки, и рулетики, и по пирожному (удовольствие пополам с угрызениями совести – что может быть слаще!), выпили кофе и отправились в «Штальман». Ничего там не купив, но с чувством исполненного долга молодые женщины разъехались по домам, договорившись созвониться вечером, или завтра, или... ну в общем, созвонимся, а через месяц у Таньки день рождения, так там точно увидимся.

Посмотрев на часы, Катерина прикинула, что Настя с няней еще на занятиях. Так забавно – словно взрослая. Уроки рисования стали первыми шагами дочки в мир учения, и, к немалой радости родителей, делала она эти шаги уверенно и с удовольствием. И педагоги считают девочку талант-

ливой. Она, не спрашивая, каким-то внутренним чувством находит нужные цвета и линии, и даже если кувшин бывает кривобок, то все же очевидно, что он стоит на солнце. Как ни обидно было в этом признаваться, но тут оказалась права свекровь Катерины – Нина Станиславовна, подтолкнувшая их к тому, чтобы Настю отвели в центр детского творчества.

Дело в том, что свекровь посетила очередная идея. Побывав в гостях у подружки, Нина Станиславовна вернулась домой в ярости. Как! Зинаида, эта женщина из простых (хоть и была женой высокого начальника, но все же знают, что он привез ее из какого-то богом забытого гарнизона и она писать не умела), так вот – она посмела хвастаться успехами своей внучки! Малышке только пять лет, а она ходит на танцы, в кружок рисования и еще занимается английским! А ей, Нине Станиславовне, и сказать-то было нечего, потому что Катерина совершенно не заботится о развитии своего ребенка!

Нина Станиславовна мерила шагами просторную гостиную, иногда поправляя безделушку или проводя пальцем по завиткам резного буфета (домработницу надо отругать – пыль везде), и возмущенно говорила:

– Ты представляешь? А тут вылезает Фокина и говорит... Ты помнишь Фокиных? Он был завхозом в третьей командировке, а потом работал с Зининым мужем в Таиланде?..

Андрей Николаевич кивнул. Он сидел в уютном кресле и, изображая полное внимание и глубокую заинтересован-

ность, продолжал читать лежащую на коленях раскрытую монографию. Это было новейшее исследование феномена Стоунхенджа, само собой еще не переведенное на русский. Ужасно интересно. Высокий голос жены мешал, но многоопытный супруг знал, что прерывать Ниночку нельзя. Иначе она устроит скандал и придется встать и идти за валокордином и успокаивать... Внутренне содрогнувшись, он решил продемонстрировать крайнюю степень заинтересованности:

– Так что же Лариса?

– Какая Лариса?

– Разве Фокину не Ларисой зовут? – растерялся Андрей Николаевич.

Повисла пауза.

– Надо же! Ты всегда помнишь, как зовут любую бабу!

– Ниночка, я тебя умоляю! Это профессиональный навык. Ты же знаешь, я специально учился запоминать имена. Ну, представь себе, я же на приеме не могу все время говорить: «Простите, не помню, как вас зовут».

Андрей Николаевич служил в МИДе, и когда-то в молодости приятель-комитетчик притащил ему методику, по которой развивали память разведчики. Андрей не пожалел времени на честные труды и с тех пор действительно легко запоминал не только имена, но и довольно приличные куски текстов. Нина Станиславовна помолчала, вздохнула и вернулась к занимавшей ее теме:

– Так вот эта твоя Лариса Фокина...

Муж промолчал.

— ...хвасталась своим внуком. Он у нее пошел в первый класс гимназии. Занимается бальными танцами, в школе у них английский, а мать ему взяла учительницу-француженку. Оказывается, сейчас можно выписать непосредственно носителя языка...

— Ниночка, тебе не кажется, что наша девочка еще маловата для учебы? — Андрей Николаевич уже понял, к чему ведется разговор.

— Глупости! Если хочешь знать, я тут читала статью про раннее развитие. Нынешние дети намного опережают наше поколение — и даже поколение наших детей. И если бы Катерина уделяла ребенку больше внимания, Анастасия уже умела бы читать!

«И тебе было бы чем похвастаться перед подружками», — подумал муж, но дипломатично промолчал.

На следующий день Нина Станиславовна развила бурную деятельность. Она скупил кучу журналов для родителей и принялась штудировать статьи, посвященные проблемам развития способностей малышей. Материалы убедили ее, что Анастасия находится в крайней степени педагогической запущенности. Надо сказать, объяснялось это в основном тем, что бабушка внуку видела довольно редко, в основном если детей привозили в гости. Само собой, девочка терялась, быстро уставала и начинала капризничать.

Что такое капризы ребенка, Нина Станиславовна не пони-

мала. Ее мальчик рос бесппроблемным ребенком. Первую командировку Андрею дали не слишком удачную: в какую-то богом забытую страну в Юго-Восточной Азии. Нина Станиславовна была в шоке, но отец посоветовал Андрею принять назначение. Страна была маленькой, но пост для молодого человека – достаточно высок. Нина с полугодовалым ребенком на руках осталась в Москве. Александр оказался совершенно идеальным мальчиком: спал, ел и рос, как полагалось по учебнику. В разлуке прошел год, после чего свекровь спросила:

– Ты не боишься? Андрей холостяком дольше двух недель сроду не выдерживал. Окрутит какая-нибудь из секретарш – и прощай.

Ниночке ужасно не хотелось ехать, но что было делать? И вот оно – дипломатическое счастье: стопроцентная влажность, сумасшедшие краски природы, огромные и страшные насекомые, маленькие и смуглые люди. Сначала ей было элементарно страшно и тоскливо. Потом появились знакомые, оказалось, что в доме есть служанка, которая присмотрит за мальчиком, а в посольстве регулярно устраивают приемы. Жизнь завертелась, и, вернувшись в Москву через два года, Нина отдала сына в садик, куда его утром отводил отец, и наконец зажила так, как хотела. Потом ребенок пошел в школу, но Нине Станиславовне и в голову не приходило посещать родительские собрания или проверять уроки. Воспитание мальчика – прерогатива мужчины.

Однако, как известно, внуки – это совершенно не то, что дети. Тот же Андрей Николаевич – сына любил, но мог и накричать, и подзатыльник отвесить. А Настеньке он только радовался, задаривая девочку игрушками и с нетерпением ожидая того момента, когда с ней можно будет играть в шахматы.

Перевернув последнюю страницу последнего журнала, Нина Станиславовна искренне уверилась, что Настю надо спасать. Еще несколько дней она посвятила изучению обстановки на месте. То есть не поленилась съездить в центр и обойти адреса указанных в журналах учебных центров и школ раннего развития. Цены впечатляли, но тем больше гордилась Нина Станиславовна своей миссией. Она придумала замечательный тактический ход. О нет, она не будет звонить невестке и объяснять ей, что на ребенка следует тратить время и деньги. Она сама выберет самое лучшее заведение, позвонит сыну, посетует – очень умеренно, никаких эмоций – на невнимание Катерины к этому вопросу и предложит сделать девочке подарок: оплатить занятия за год. Нина Станиславовна выписала названия и адреса центров на листок бумаги еще дома. Она освоила замечательный фокус: писала крупными буквами и толстым черным фломастером. Тогда на улице нет необходимости доставать очки для чтения. Это унинительно: не иметь возможности прочесть какие-то там строчки и быть заклеянной фразой «В вашем возрасте это естественно...».

Итак, в двух местах она уже побывала. В журнале именно эти центры характеризовались как замечательные, развивающие и т. д. Приехав по первому адресу, она даже не стала заходить: старая постройка была в весьма запущенном состоянии, к тому же центр детского творчества располагался в подвале. Следующее по списку учреждение помещалось в типовом здании, скорее всего бывшего детского сада. Вполне приличная детская площадка и куча малышни во дворе. Смешавшись с группой мам и бабушек, Нина Станиславовна прислушивалась к разговорам. Потом поинтересовалась у какой-то мамочки, сколько стоит посещение, например, хореографической секции.

– Чего? – Молодая женщина вытаращила ярко подведенные глаза. – Танцы, что ли? – Она подхватила щекастого малыша на руки и, с трудом переводя дух, ответила: – Ой, я не помню, но тут вообще-то почти все бесплатно. Кроме, кажется, английского и немецкого... И теннис вроде за деньги... А если многодетные – так платите только за одного, остальные ходят бесплатно.

Нина Станиславовна с достоинством удалилась, решив, что ей муниципальные заведения, где трудятся за копейки энтузиасты, не по вкусу.

Наконец подходящее место нашлось. Это был трехэтажный особнячок в тихом московском переулке. Домик располагался меж очень похожими на него собратями и отличался от них на первый взгляд не сильно – та же бледно-жел-

тая штукатурка, гирлянды лепнины на фронтоне и массивные двери. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что здание абсолютно новое, о чем свидетельствовали финские рамы натурального дерева в окнах и подземный гараж.

Домик весь был отдан детям. Половину его занимало детское кафе – вернее, развлекательный комплекс – с боулингом, картингом и всяческими прочими атрибутами модной детской жизни. На третьем этаже располагалось агентство по подбору персонала – нянь, гувернанток и домашних учителей. А еще имелся центр детского творчества. Это был центр для продвинутых родителей – никаких там кройки и шитья или фортепиано. Детям предлагались: студия дизайна, в том числе компьютерного, обучение светским манерам и танцам, ушу и карате. Ну и, конечно, группы для самых маленьких: иностранный язык, обучение чтению, пользованию компьютером и аэробика. Менеджер, окинув взглядом посетительницу и оценив костюм от Шанель, перчатки, сумочку и бриллиантовые серьги, вызвала управляющего. Тот лично водил Нину Станиславовну по просторным светлым комнатам, заваленным игрушками. Потом предложил кофе, и они переместились в уютный кабинет, где управляющий с самым внимательным видом выслушивал сетования Нины Станиславовны на безалаберность невестки, которая совершенно не думает о том, что девочку надо готовить к жизни в нашем сложном мире.

Управляющий оказался человеком понимающим. Он це-

ликом и полностью одобрил инициативу Нины Станиславовны, не забыв отметить, что, пока она сама не сказала, ему и в голову не приходило, что он беседует с бабушкой.

– Сейчас дамы сначала делают карьеру, а потом обзаводятся детьми, так что я решил было...

Встретив полное понимание, Нина Станиславовна позволила сыну и пригласила его на ленч. Каково? Это тоже не так просто – взяла и пригласила. О нет! Любой хороший сын знает, что он уделяет маме недостаточно времени. Поэтому, если мама ради того, чтобы провести с ним полчаса, выбирается в ближайший к его офису ресторан и медовым голосом говорит: «Мальчик мой, я заказала твои любимые свиные ребрышки, и потом – я так соскучилась... знаю, что ты занят, но ты должен хорошо кушать...» – чувство вины любимого чада вам обеспечено. А это самая подходящая почва, если вы собираетесь сделать гадость невестке. Но – о! Как не просто быть матерью! – даже это приглашение на ленч требует подготовки, иначе можно услышать в ответ: «Мама, мне жаль, но сегодня обедаю с партнером» или «Я на переговорах». И тогда прощай встреча на нейтральной территории, где сыночек должен будет внимать маман. А со стороны опять же не все догадаются, что этот мужчина ее сын. Поэтому получится просто приятно – зрелая дама в обществе молодого мужчины. Так, короче, Нина Станиславовна позвонила Сонечке – секретарше своего сына. Она периодически делала ей небольшие подарки, а потому всегда могла

рассчитывать на взаимопонимание. И Сонечка заверила, что обед у Александра Андреевича свободен. Более того, у него только одна встреча в четыре, которую он явно собирается перенести на другой день, освободиться пораньше и сводить дочку в зоопарк.

Итак, Нина Станиславовна позвонила, услышала нотку вины в голосе сына и получила торопливое согласие на совместный обед.

Она заказала столик, но, само собой, несколько опоздала. Ресторан с поэтическим названием «День и ночь» находился недалеко от работы сына. Здесь очень неплохо готовили, специализируясь в основном на средиземноморской кухне. Заведение состояло из двух залов, разделенных холлом. Направо царил день – светлое помещение с огромными окнами, скатертями свежих тонов – кремовые, само, салатовые. Плетеные кресла с мягкими подушками, волны легчайшего шифона на окнах, белый рояль в углу. Даже вечером, освещенный множеством ламп, лампочек и свечей, зал производил впечатление очень светлого и радостного места.

Дверь из холла налево открывалась в «ночь». Здесь всегда царил полумрак. И хотя от двери вниз вели всего две ступеньки, посетителю казалось, что он попал в подвальное помещение. Окна отсутствовали. Над головой громоздились сводчатые арки. Канделябры на стенах, выполненные из чугунного литья, казались растениями некоего inferнального сада – они обвивали стены немыслимым узором и вместо

цветов на концах черных ветвей мерцали огоньки электрических свечей. Еще здесь был камин, тяжелая мебель мореного дуба и скатерти цвета старого вина.

Имелся также небольшой уютный бар, и, повинуясь моде, администрация спешно переделывала одно из складских помещений под суши-бар.

Нина Станиславовна хотела получить столик на светлой половине, но оказалось, что помещение на весь день снял какой-то банк под празднование своего дня рождения. Пришлось удовлетвориться ночным залом. Впрочем, в этом тоже были свои плюсы – макияж при искусственном освещении выглядит гораздо лучше.

Александр уже сделал заказ и читал газету. Увидев мать, он отложил листы, встал и, помогая ей сесть, сказал:

– Ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо, милый. – Нина Станиславовна улыбнулась и пошла в атаку, ибо девизом сегодняшней кампании был быстрый натиск. – Я не буду делать вид, что оторвала тебя от бизнеса только ради удовольствия побыть вдвоем, – начала она, нервно сжимая салфетку в унизанных перстнями пальцах и ловя на себе заинтересованный взгляд мужчины, сидевшего за соседним столиком.

Это вызвало неожиданно жаркую волну румянца и удивленный взгляд сына, который почти испуганно спросил:

– Что-то случилось?

– Нет-нет. Просто я знаю, как ты относишься к моим по-

пыткам что-то для вас сделать, но я ведь не могу не думать о тебе и Анастасии. Я так мечтаю, чтобы у твоей – нашей – девочки было все, и все самое лучшее.

– У нее все есть, – хмуро сказал сын.

– Прощу тебя! Не надо меня перебивать! Я так много думала эти дни. Мы живем в такое сложное время, когда ребенок очень рано включается в борьбу за место под солнцем. И потом, чем позже начать, тем тяжелее придется...

Подошел официант, и, пока он расставлял блюда, мать и сын молчали. Но как только молодой человек сделал шаг прочь, Нина Станиславовна возобновила грамотно составленную речь, где сентенции о материнской, то бишь бабушкиной, любви чередовались со сведениями, почерпнутыми недавно из журналов. Закончила Нина Станиславовна почти робко – просьбой позволить ей сделать подарок Настеньке (Александр даже вздрогнул – мать никогда не употребляла уменьшительных имен).

Это закон природы – не слишком умная, неначитанная и неискренняя женщина всегда может обмануть самого что ни на есть умного мужика. Должно быть, природе это для чего-то надо. Александр всегда внимательно читал договоры, чувствовал фальшь в голосе потенциального клиента и опасную сделку. Но никогда не мог понять свою маму. Вот и сейчас он смотрел на нее и терялся в сомнениях. Должно быть, она и правда хочет как лучше. Может, созрела до бабушки. Согласиться? А что скажет жена? Он попытался

припомнить, какие планы на Настино образование были у Катерины, но в голову как-то ничего не шло. Сейчас у них имеется няня (из-за которой тоже, кстати, был скандал с Ниной Станиславовной). А вот что дальше? Ему казалось, что все дети ходят в садик, а потом в школу. Уцепившись за эту мысль, Александр неуверенно сказал:

– Ну, вроде Катерина собиралась ее в садик записать.

– В какой?

– Не знаю. Наверное, поближе к дому...

– Боже мой! Что ты говоришь! Поближе к дому! Ты ее еще в районный запиши.

– А что такого?

– Как что? Ты не представляешь, какой там контингент!

– И какой? Я ходил, между прочим, именно в районный садик. И мне там нравилось.

– Тогда было другое время, – отрезала Нина Станиславовна. – А сейчас в нашем обществе произошло социальное расслоение. И девочка с детства должна вращаться в определенном обществе. Если ты не хочешь, чтобы она вышла замуж за дворника!

Александр промолчал. Некоторое время они уделили обеде. Потом Нина Станиславовна, взяв себя в руки и вернув робкий, чуть не заискивающий тон, принялась рассказывать об успехах Зинаидиной внучки.

Ей не удалось получить определенного согласия. Александр сын своего отца, не без раздражения подумала жен-

щина. Он не сказал ни да ни нет, но тем не менее долго благодарил, сделал ей еще пару комплиментов, извинился, сослался на важную встречу и ушел, не заказав кофе. Нина Станиславовна решила, что если блестящая победа и не удалась, то определенный успех все же достигнут. Во-первых, сын не сказал «нет». Во-вторых, она видела, что он задумался. Теперь хорошо бы эта выскочка, ее дражайшая невестка, ляпнула что-нибудь вроде «Опять твоя мама!» – и тогда сын упрется и сделает так, как она хочет. Мальчик чертовски упрям, но, к сожалению, плохо управляем.

– Вы разрешите?

Нина Станиславовна подняла глаза. Перед ней стоял мужчина, который еще в начале обеда бросал на нее заинтересованные взгляды. Женщина быстро, но цепко оценила стоящий перед ней экземпляр. Хороший костюм, дорогой галстук, запах «Кензо», золотые часы... Седой, немного полноват – лет под шестьдесят.

Она кивнула, и мужчина опустился на свободный стул. Нина Станиславовна достала сигареты и, прикуривая от золотого «Ронсона», торопливо предложенного кавалером, решила, что день сегодня удался. К Зинке небось уже лет сто никто в кафе не подсаживался. Нина Станиславовна улыбнулась. Это будет мило: она позволит ему заказать кофе и пирожное, они побеседуют, а потом распрощаются. Она как бы между прочим упомянет мужа на высокой должности и сына, которому посвящена жизнь. Все будет элегантно. Ма-

ленькое приключение – ничего вульгарного. Она никогда не могла понять своего мужа, который недели не мог прожить, не очаровав какую-нибудь женщину, причем цели его носили в буквальном смысле прикладной характер. Где и кого он только не прикладывал... Ее же кровь и в молодые годы не отличалась жаром, а уж после пятидесяти она однозначно дала Андрею понять, что эта сторона жизни ее, слава богу, больше не волнует.

Глава 2

Тщательно продуманный план провалился. Катерина и Александр не поссорились. Некоторое время муж был мрачен и явно носил что-то в себе. Подождав – может, сам разродится, – Катерина выбрала момент: вечером после ужина уселась к мужу на колени и, поглаживая пальчиком складку меж бровями, спросила:

– Милый, что ты такой серьезный? Скажи мне. Вдруг я царевна-лягушка и все исполню к утру?

Он усмехнулся и выпалил совсем не то, что собирался:

– Мама нашла какой-то суперпуперцентр для детей и предлагает, чтобы мы туда записали Настю – вроде ей пора чему-то учиться. Даже готова оплатить занятия.

Катерина вспомнила про себя пару выражений, слышанных в детстве от соседки тети Нюры, которая была женой начальника отделения милиции и которую как огня боялся весь личный состав и большинство уголовных элементов района.

Потом она решила узнать все поподробнее, и Александр начал рассказывать. Выслушав, жена вздохнула:

– Ну почему твоя мама не пошла на госслужбу? Талейран – младенец по сравнению с ней. Интриги – стихия Нины Станиславовны... Должно быть, изворотливый ум ты унаследовал именно от нее.

Муж вымученно улыбнулся.

Катерина набрала побольше воздуха и начала ответную речь. Принесла журнал со статьей, где черным по белому было написано, что ребенок до пяти лет не должен маяться в вопящей толпе своих сверстников – это вредно для психики.

– И потом – где этот распрекрасный центр?

– Черт его знает... Где-то на Чистых прудах.

– Боже, и как мы туда будем добираться?

Александр счастливо согласился, что это нереально, и счел тему исчерпанной. Катерина же, наоборот, начала грызть себя и сомневаться в собственной правоте. Девочке уже не два годика. Она довольно общительный и контактный ребенок. Может, и в самом деле пора в коллектив? Дома они, конечно, занимаются. Буквы учат, музыку слушают, краски, пластилин – все это дома есть и активно используется... Кстати, пластилин от пола в коридоре отскрести надо... И все же...

Полночи Катерина лежала без сна. А ведь свекровь права, как ни печально это признавать. Время пришло, и ребенка надо отрывать от себя. Конечно, это так трудно... Вот когда она бросала кормить молоком дочку, то ревела два дня – так было жаль. Малышка отказалась от груди удивительно легко, видимо, в полтора года у нее уже не было необходимости в материнском молоке. А Катерина измучилась от переживания. Ей казалось, что она вдруг потеряла некую тайную связь с девочкой, словно они перестали быть единым целым не в

тот момент, когда ребенок покинул ее тело, а только теперь, когда столь беззаботно отказался от моментов трогательно-го единения. Вот и сейчас – должно быть, не желая отпустить дочку во «взрослую» жизнь, она просто потакает своему эгоизму. С другой стороны – вот пойдет Настя в садик – так скучно будет... Минуточку. Тут мысли молодой женщины приняли новое направление. Садик, а потом не успеешь оглянуться – в школу. А она, она – Катерина, что будет делать? Сидеть дома? Ходить в спортзал? День за днем: магазины, спортзал, уроки проверить... Нет, это скука смертная. Можно, конечно, опять родить. Но не грешно ли это делать вот так – от скуки? Нет-нет, надо представить свою жизнь и попытаться понять, чем она хотела бы заниматься долго-долго. Бизнесом она заниматься не может и не хочет. Бизнесвумен из нее однозначно не получится. Если только наниматься на службу к конкурентам мужа с целью их разорения. Ну не дал Господь деловых качеств.

Можно, конечно, заняться наукой. Вернуться на родную кафедру... Взяться за ту же тему... С некоторым чувством вины Катерина вспомнила, как, переезжая в новую квартиру, запихнула в самый дальний угол гардеробной коробку с бумагами. Там были ее конспекты, статьи и материалы для кандидатской. Она представила, как возвращается в университет, вспомнила библиотеку с пыльными книгами... Жуткий кофе в буфете, занудство научного руководителя, у которого она писала диплом. Поразмышляв немножко, Катерина

решила, что она не хочет пока писать диссертацию. Может, как-нибудь потом.

Катерина тихонько вылезла из теплой постели, заглянула к дочке в комнату, поправила одеяло. Потом пошла в кухню. Постояла перед холодильником, вздохнув, пообещала себе завтра пить один кефир и согрела молока в маленькой кастрюльке. Налила его в любимую чашку – на прошлое Восьмое марта муж подарил. Они вместе забрели в какой-то магазин посуды. Катерина рассеянно разглядывала витрины, досадуя, что широкие спины двоих мужчин закрывают обзор. Потом прислушалась к разговору: менеджер объяснял хозяину, что вот таких чашечек хорошо бы заказать еще – расходятся замечательно. Хозяин, по виду европеец, важно кивал:

– Да-да, я знаю. У вас в стране все едят суп, поэтому бульонницы и продаются неплохо.

Менеджер уставился на круглую керамическую плошку с ручкой, которую держал в руках:

– Бульонницы? Это что, для супа?

– Ну да, – кивнул хозяин.

– А я и не знал, – засмеялся парень. – У нас из них суп никто не ест.

– Тогда почему же их покупают?

– А мы из таких чашек кофе пьем.

Выражение лица хозяина заставило Катерину быстро отвернуться. Ее душил смех.

Муж в другом конце павильона выбирал пивные кружки

в подарок приятелю. Когда менеджер с хозяином ушли, Катерина пересказала ему забавный диалог, и они купили чашку, из которой в Европе пьют бульон, а в России – кофе по утрам.

Катерина пошуршала в шкафу и достала пакет с печеньем. Дико калорийно, но зато очень вкусно. Пока никто не видит, Катерина обкусала круглую печенюшку по краям, оставив напоследок самое вкусное – серединку с лужицей вязкого повидла. Допила молоко, поставила кружку в раковину и тщательно смела крошки со столешницы. Осознав, что сон сбежал, а на часах только два ночи, Катерина на цыпочках вернулась в спальню и натянула свитер прямо на шелковую ночную сорочку. Потом в гостиной забралась с ногами на диван, пристроив рядом ноутбук мужа. Работать с компьютером она умела, а потому довольно быстро подключилась к Сети и забрела на первый попавшийся сайт, в названии которого фигурировало слово «работа».

«Так, что у нас тут... предлагается определиться: работу в какой именно отрасли я пытаюсь найти. Черт ее знает в какой. Ну-ка, ага, навыки надо указать. Так. Направление – гуманитарное, языки – английский. Компьютер – тоже могу. Специальные знания. Ну... история, искусствоведение. Оплата. Не представляю даже. Больше мужа мне не заработать, поэтому напишем, что все равно. Занятость. Ну, от девяти до шести не хотелось бы... пока, по крайней мере. Значит – неполная. И что у нас получилось? Что ты мне пред-

ложишь, Стенли?» Стенли – так в семье звали компьютер – подмигнул экраном и выдал довольно длинный список вакансий.

«Секретарь. Это вряд ли. Менеджер по персоналу. Учитель истории, английского... Не знаю, может быть. Менеджер в кадровое агентство... Я так плохо разбираюсь в людях... Помощник руководителя. Командировки – не пойдет. Муж меня ни в какую командировку не пустит. Да тем более если руководитель окажется моложе семидесяти. Преподаватель в гимназию, иностранный язык, дизайнер. Это неплохо... Только вот дизайн интерьеров, судя по гримасе свекрови, мне не сильно удастся». Конечно, было бы здорово заняться дизайном ювелирных украшений. Но это дорогое удовольствие, и без рекомендаций ее не возьмут ни в одну фирму. Катерина откинулась на спинку дивана и мечтательно прикрыла глаза. О да, украшения – это ее слабость. Самое досадное, многое из того, что ей нравилось, надеть невозможно – такие вещи не соответствуют ни ее возрасту, ни стилю. Вот например... Не так давно она забрела в очередной художественный салон, подошла к прилавку с серебряными украшениями и почти час с упоением мерила кольца и браслеты, походившие на элементы диковинных лат – обманчиво массивные, они удивительно хорошо выглядели на руке. Особенно понравился молодой женщине браслет – два блестящих кольца, соединенные множеством маленьких колечек – словно кольчужное полотно охватывало запястье.

От браслета шли две цепочки, соединяясь с кольцом на средний или указательный палец – уменьшенным повторением браслета.

Стоила вещь не слишком дорого, и в конце концов Катерина ее купила – больше потому, что неудобно было не купить, отняв у продавца столько времени. Но вот с чем это можно надеть? Нужны брюки, лучше кожаные, и что-то такое сверху – с заклепками. И сапожки... И покрасить волосы. М-да, одно украшение может завести неожиданно далеко. Не в силах справиться с соблазном, молодая женщина опять потихоньку прошла в спальню, взяла шкатулку с драгоценностями, вернулась в кухню и, забравшись с ногами на диванчик, погрузила пальцы в прохладный металл. Она выудила браслет, надела его на запястье, кольцо – на палец и некоторое время просто любовалась необычным украшением.

Дальше едем, Стенли. Опять преподаватели, на этот раз в колледж и чуть ли не по всем предметам. Ну, естественно, учитель – профессия малооплачиваемая, а потому их всегда не хватает. Вот если бы работать педагогом было престижно, то можно было бы привлечь к этому делу богатых женщин, у которых хватает свободного времени. Богатая тусовка подчиняется тем же законам, что и любая группа людей. Все в той или иной степени цепляют модные веяния.

Так почему бы не ввести моду на педагогическую деятельность? Катерина улыбнулась, вспомнив несколько ярких

личностей, виденных на светских тусовках. Например, Лулу. Всегда сильно накрашена, в костюме мужского покроя, с галстуком и с сигаретой в полных губах. Лулу демонстративно презирала мужчин. Все ее интересы делились поровну между бизнесом (весьма преуспевающая транспортная компания) и женщинами. Катерине очень нравился ее перстень – довольно большой, с черным звездчатым сапфиром. В форме кабошона и издали похож на совершенно непрозрачный опал или даже обсидиан. Но если заглянуть внутрь... Там в темноте, словно в глубинах космоса, сияла звезда, и ее молочный свет вырывался на поверхность, торжествуя над мраком и тяжестью камня. Катерина тряхнула головой. «О чем-то я таком думала? И при чем здесь Лулу? Спать хочется. Но завтра муж заберет Стенли на работу и до вечера не будет возможности залезть в Сеть. Листаем дальше. Офис-менеджер, гид, преподаватель, еще».

Катерина вдруг вспомнила свою педагогическую практику в школе. Студенты исторического факультета отправились в районные школы, чтобы лицом к лицу столкнуться с семи-, шести- и пятиклассниками. И надо сказать, у большинства встреча с реальностью навсегда отбила всякое желание стать педагогом. В отличие от педвузов, студентам истфака курсов педагогики и детской психологии не читали. А потому, оказавшись один на один с компанией плохо управляемых подростков, слишком подвижных, постоянно жующих и болтающих о чем-то своем, большинство молодых лю-

дей не могли справиться с ситуацией. Кто-то начинал злиться, кричать, и урок превращался в выяснение отношений. Кто-то терялся и, торопливо оттарабанив текст, норовил побыстрее улизнуть из класса, не слишком обращая внимания на происходящее там, за партами. Конечно, частично на уроках присутствовали школьные преподаватели, и тогда дети вели себя примерно, но если студент оставался один на один с аудиторией – последствия могли быть совершенно непредсказуемыми. Кого-то милые дети довели до слез, кто-то дал торжественную клятву не жениться, потому что, «не дай бог, родятся такие же чудовища».

Собственно говоря, получить удовольствие от педагогической практики удалось лишь двоим. Ирме неожиданно понравилось быть учительницей, но она постеснялась в этом признаться, поэтому, когда все приятели и подружки закатывали глаза и стонали: «Отстой какой, хоть бы этот ужас поскорее кончился!», она просто промолчала. А вот Шурик не стал скрывать, что в школе ему понравилось. Огромный, под два метра ростом, с длинными, стянутыми в хвост волосами, ярый поклонник Нины Хаген, он был возведен детьми в ранг полубога. Они восхищались студентом, ходили за ним хвостом и преданно заглядывали в глаза, трогательно предлагая яблоки и печенье. Дело в том, что Шурик, помимо Нины Хаген, увлекался еще и военной историей. Он знал удивительно много неожиданного и интересного про полководцев, войны, оружие и умел рассказывать. Он мог рычать, изоб-

ражая гул первого боевого самолета, и расчертить всю доску планом засады Александра Невского. А еще он делал фигурки солдат из глины или специального пластилина, раскрашивал форму, иногда позволял школьникам покрыть серебряной краской штыки или еще какие-нибудь детали фигурок. Студенты должны были в обязательном порядке посещать занятия друг друга, и Катерина с удовольствием ходила к Шурику на уроки. После шумного и захватывающего действия, которое каждый раз устраивал однокурсник, ее собственные занятия казались девушке не слишком интересными, но школьники были довольны. Они спокойно слушали ясную и четкую речь, смеялись над историями и забавными случаями, которыми девушка старалась оживить сухие цифры и факты, и с удовольствием участвовали в дискуссиях о будущем России, когда класс делился пополам и одна половина должна была защищать реформы Столыпина, а другая – доказывать их абсурдность. Помнится, в конце практики администрация школы написала письмо декану, в котором Шурик приравнивался к новому Макаренко и восхвалялся безмерно. Директор готов был рвать на себе волосы, понимая, что ничего особенного предложить амбициозному молодому человеку не может, кроме скромной зарплаты, а потому, скорее всего, не видать школе блестящего преподавателя как своих ушей. Катерине, подписывая отчет о прохождении практики, директор сказал:

– Приходите, когда осознаете, что это ваше.

– Что? – не поняла девушка.

– Из вас выйдет прекрасный учитель. Вы понимаете и чувствуете детей, а они видят в вас наставника, это очень важно. Пока вы этого не осознаете, но я уверен: время придет, и вы вернетесь в школу, – пояснил директор.

Катерина смутилась и даже никому не стала рассказывать. Слова директора показались ей неуместно торжественными и чуть ли не напыщенными. Наставник. Какой из нее, девчонки, наставник? Глупо как-то.

Минуточку. Она пропустила какую-то мысль... Что-то. Катерина невидящим взглядом уставилась на клавиатуру. «Точно, вот оно. Идеальным учителем может стать женщина, любящая детей, получившая хорошее образование – а уж что может быть лучше МГУ? – не имеющая материальных проблем. Точно – ведь это я! Прав был директор, надо же. Похоже, время пришло. Жаль, нет смысла возвращаться в ту школу, где проходила практика. Лучше поискать что-нибудь поближе к дому, чтобы меньше времени уходило на дорогу». Она засмеялась вслух и тут же зажала рот ладошкой. «Вот муж удивится, если найдет тут меня ночью вдвоем со Стенли. Еще решит, что я порнуху смотрю...» Катерина вновь захихикала. Пожалуй, сегодня она нашла то, что хотела, – мысль о своей будущей работе. Теперь... Как говаривал один из знакомых – «с каждой новой идеей надо переспать». Утро вечера мудренее.

Обсудив проблему Настиного образования с соседкой, мамой толстощекого Антоши, Катерина узнала, что в соседнем переулке есть прекрасный детский творческий центр. Туда ходили многие детишки, с кем Настя подружилась во дворе. И вечером того же дня Настя встретила отца криком:

– Я теперь художница! И еще прыгальщица!

– Танцовщица, – поправила мать.

– А вот и нет! Мы только прыгали и бегали. Значит, прыгальщицы и бегальщицы.

А через несколько дней Катерина, которая теперь уже совершенно точно знала, что хочет стать учительницей, набрела на школу неподалеку от собственного дома. И все сложилось так, как будто только ее и ждали. Через несколько месяцев одна из учительниц английского языка собиралась уходить в декрет, а пока директор посоветовал Катерине походить на курсы. Она с радостью согласилась – педагогического опыта у нее не было, если не считать уроков в школе во время практики в университете. Курсы по современной методике преподавания языков стоили недешево и находились аж в районе метро «Водный стадион», а потому свободного времени поубавилось, но Катерина была довольна – это начало новой, интересной жизни.

Катерина не преминула написать обо всем родителям, предупредив, что от мужа все пока держит в секрете. Она почему-то не хотела ничего рассказывать, хоть прежде тайн от Александра у нее не водилось. Но теперь – теперь у нее

тоже будет своя жизнь – не только дом, муж и ребенок, а работа. Эта мысль наполняла молодую женщину каким-то тихим удовлетворением. Должно быть, не желая даже самой себе признаваться в этом, она все же ревновала Александра к его бизнесу.

Машин было много, и Катерина вела джип очень осторожно. Автомобиль она любила. Даже ее муж был удивлен, когда узнал, что она записалась в автошколу. А уж когда на годовщину свадьбы жена попросила подарить ей джип – изумлению его не было предела. Он осторожно переспросил: может быть, что-нибудь более... женственное, что ли, может быть, «вольво» или... Нет, она не хотела ни «вольво», ни БМВ. Она мечтала именно о таком – большом, темно-зеленом, почти черном и очень мощном лендровере. Муж, пребывая по-прежнему в состоянии недоумения, рассудил, что раз жена хочет – пусть будет джип. К тому же в первый раз за всю их совместную жизнь она сама попросила какую-то вещь. Све-кровь – Нина Станиславовна – была возмущена до глубины души: вот уж скромница отчудила – эта не промахнется и если просит – то сразу джип. В следующий раз она захочет дачу на Гавайях. Машина действительно стоила дорого-вато, но дела шли неплохо, поэтому Александр машину купил. Оформлять покупку поехал вместе с отцом, у него были знакомые в ГАИ, что помогало избежать волокиты: номера, проверка на угон и т. д. Когда процесс оформления уже приближался к концу, Андрей Николаевич поинтересовался:

– А как думаешь вручать?

– Что? Ну как... Не знаю еще. Да и как его можно вручить – это ж не букет... Может, ключи в бархатную коробочку положить? Пусть подумает, что там побрякушка какая-нибудь – кольцо или еще что.

Андрей Николаевич, помолчал, подумав про себя сакраментальное: «Эх, молодежь. Ни вкуса, ни фантазии». Потом осторожно спросил:

– Может, ты позволишь мне кое-что предложить?

Александр кивнул:

– Давай. Мне до тебя далеко по части умения приводить дам в восторг.

– Ну-ну, мой мальчик, если захочешь, этому не так уж сложно научиться.

– Благодарю покорно, не моя это стезя.

Когда сын стал взрослым, он узнал о довольно многочисленных и не очень тщательно скрываемых романах отца. Нина Станиславовна была в курсе – доброжелатели находились всегда. Особенно когда дело происходило в зарубежных командировках. В замкнутом мире сотрудников посольства трудно что-то скрыть, и рано или поздно она все узнавала. Кто-нибудь из подруг просветит или письмо подкинут. Но, раз и навсегда решив, что «кота не переделаешь – погуляет и вернется», жена закрывала на все глаза. Может, одной из причин было ее собственное прохладное отношение к сексу. Гораздо важнее для Ниночки всегда был статус же-

ны дипломата и все те замечательные вещи, которые к нему прилагались: красивая одежда и украшения, возможность не работать, светские мероприятия, поездки за границу, интриги. Кроме того, сплетни всегда оставались сплетнями, и до открытого скандала дело никогда не доходило, а потому у Нины Станиславовны не было необходимости примерять роль обманутой жены. Каким-то совершенно непостижимым образом Андрей Николаевич умудрялся оставаться со всеми своими женщинами в хороших отношениях. Александра восхищало такое редкое умение не только получать, но и доставлять удовольствие, но сам он был из другого теста, и интрижки для взаимного развлечения были не в его вкусе. Тем не менее подарки отец делать умел и любил. Особенно ценно было то, что он всегда точно знал, что именно понравится той или иной женщине. И любимый Катериной браслет с топазами выбирал тоже он. Поэтому сын, выслушав план «презентации зелененького», послушно направился обратно в автомобильный салон. Хотя дополнительные расходы просматривались ничего себе.

Рано утром в день семейного праздника во двор въехал тягач с платформой. На платформе стояла огромная коробка, перевязанная лентой – ветер играл сине-золотыми крылышками пышного банта. Катерина стояла у окна, приоткрыв рот от изумления. Пять минут назад ее разбудил телефонный звонок, и она услышала в трубке голос мужа: «Катерина, через три минуты чтоб была во дворе» – и сразу короткие гуд-

ки. Молодая женщина всполошилась – что могло случиться? Она уже натянула джинсы, когда снизу послышались гудки и визгливый голос дворничихи Марины:

– И куда? Куда ты пресся-то?

Катерина выглянула в окно – и замерла от удивления. А потом увидела, как из кабины тягача вылезает муж и нетерпеливо озирается. Она схватила джемпер, Настину рацию – и побежала во двор.

– Сашка, что это?

– Подарок. Иди открывай.

– Как же я его развяжу?

Катерина стояла около коробки, закинув голову – бант колыхался где-то наверху, вне пределов ее досягаемости.

Тогда Александр присел, обхватил ее колени и приподнял жену. Голова ее оказалась над коробкой, она протянула руку и изо всех сил дернула ленту. Бант развязался в одно мгновение, коробка распахнулась, и к небу взвилось множество маленьких разноцветных шариков – по двору пронесся крик восхищения. Шарик улетали в синее московское утреннее небо, и все – и Катерина, и соседи, и даже дворничиха Марина – смотрели им вслед. А когда шарики уже превратились в маленькие разноцветные НЛО, оказалось, что шофер и Андрей Николаевич уже раскрыли картон, и вот он – большой, темно-зеленый, с блестящим «кенгурятником» – самый настоящий джип. Молодая женщина, захлопав в ладоши, бросилась на шею мужу:

– Милый, спасибо! Как здорово!

Ей очень понравился и бант, и шарики, и сам подарок. Да что там понравился – это просто был детский восторг – как когда-то давно, когда под мохнатыми ветками зеленой елки вдруг обнаруживался большущий плюшевый медведь. Андрей Николаевич незаметно подмигнул сыну. Подарок удался. Ни одна женщина не забудет такого устроенного ради нее праздника. Эти воспоминания откладываются где-то: то ли в сердце, то ли в памяти и в нужный момент способны растопить лед взаимного отчуждения и непонимания, которые иногда возникают между супругами. Александр знал, что даже через много лет, рассказывая дочке, как улетали в синее утреннее небо разноцветные шарики, Катерина будет так же счастлива, как сейчас.

Вечером состоялось торжественное «обмывание» покупки. Собралось человек пятнадцать, и под общие приветственные крики Катерина облила бампер и капот шампанским, торжественно сказав: «Сим нарекаю тебя – Буффало Билл». У нее была детская привычка наделять вещи неким подобием души – давать им имена и относиться как к чему-то обладающему собственной личностью. Лендровер она называла ласково – старина Билл. Александра очень смешила привычка жены. Он всегда подтрунивал над ней и никогда бы никому не сознался, что несколько раз ловил себя на том, что называет свой ноутбук придуманным женой именем:

– Ну, Стенли, что же ты опять завис? Давай, старик, нам

надо работать.

Надо отдать им должное – все вещи, имеющие собственные имена, работали на совесть.

Глава 3

Когда Катерина наконец добралась домой, в квартире было тихо. Она скинула туфли, поежилась от холода плитки под ногами (надо было делать теплый пол, ведь предлагали строители, но ей вдруг стало страшно и неприятно от мысли о проводах, которые будут под ногами, – и она отказалась). В спальне молодая женщина торопливо повесила в шкаф новое платье и подошла к окну. Внизу лежали Патриаршие пруды – лебеди, липы, скамеечки, памятник дедушке Крылову. Там, у пруда, она разглядела одуванчиково-желтую курточку дочки среди других таких же ярких лоскутков. Рядом синим васильком цвел плащ Тани – Настенькиной няни. Прихватив киндер-сюрприз, Катерина спустилась во двор.

– Мама! – Девочка кинулась к ней через весь сквер. Помня правила игры, Катерина покорно ждала на месте, хотя сердце забилось быстрее от волнения – а вдруг она упадет? Слава богу, она не споткнулась и, благополучно добежав, уткнулась матери в колени.

– Привет, Ананасик. – Катерина целовала завитки темных волос на влажном лобике, зажмуренные глаза и щечки, почему-то пахнущие корицей.

– А мы с Таней плюшку ели, – доложил ребенок. – Вот такую. – По описанию плюшка скорее смахивала на ба-

тон или даже каравай, поскольку была «куглая», но Катерина лишь кивнула. Что съели, то съели. Сначала она отрицательно относилась к таким вот уличным перекусам – аппетит перебьет, руки грязные. Но Таня за грязными ручками следила, а удовольствие от теплой плюшки или разломанной пополам шоколадки, купленной «самостоятельно» – главное – дотянуться до прилавка, чтобы монетки из кулачка попали в блюдечко для мелочи, – удовольствие это можно было понять, лишь вспомнив собственное детство.

Они уютно устроились на скамеечке, и молодая женщина расслабилась, щурясь на заходящее солнце, которое одно за другим зажигало окна в доме напротив фантастическими огнями. Близился вечер, и в воздухе словно висела тонкая дымка и плыл сухой, горьковатый запах осенних листьев. Осень только начиналась, но вода в пруду уже потемнела, и как-то не по-летнему отчетливо слышались звуки в источившемся воздухе.

Катерина вздрогнула от неожиданности, когда дочка, тихо сопевшая рядом – тонкая обертка шоколадки не поддавалась неловким еще пальчикам, – вдруг сорвалась со скамейки.

– Ананасик, ты куда?

Девочка подбежала к прогулочной коляске, которую катила по аллее пожилая женщина. В коляске сидел толстощекий годовалый малыш. Он заулыбался – на щеках появились ямочки – и потянулся ручками к шоколадке. Настя сразу обрела солидность, как это часто бывает с детьми, когда они

общаются с младшими:

– Подожди, сначала разверну, а потом дам. Идем. – Она потянула коляску к скамейке. Девочка честно разделила шоколадное яйцо пополам и теперь пыталась собрать игрушку, приговаривая: – Смотри, Сашурик, как надо, я тебя научу.

Игрушка оказалась неожиданно сложной, и собирать пришлось всем по очереди – и Тане, и Катерине, и Анне Петровне – так звали бабушку малыша. Наконец маленький зеленый дракончик был побежден: он ездил и хлопал крыльями как положено. После чего выяснилось, что времени уже много и всем пора по домам. Настенька, прощаясь, отдала игрушку мальчику, чем очень удивила маму – до этого все до одной игрушки из волшебных шоколадных яичек тщательно собирались в сундучок от новогоднего подарка и разбазариванию и дарению не подлежали.

Дома Настя и Татьяна, которая бессовестно (то есть без всяких угрызений совести) прогуливала свой вечерний юридический, отправились ужинать, а Катерина поспешила в спальню: пора одеваться – сегодня они с Александром идут в театр. Открыв шкаф-купе, молодая женщина застыла в раздумье – что бы такое надеть? Пожалуй, новое платье, тонкие чулки (именно чулки, а не колготки. Ведь к ним полагается кружевной пояс. Хотя можно и те, которые на липучках. Все равно – полоска кожи между чулком и трусиками – одно из самых соблазнительных местечек), туфельки на шпильках – шоколадного цвета, с золотыми пряжками, они чудес-

но подойдут к обновке. Теперь надо высоко зачесать волосы и закрепить их узлом на затылке. Оглядев себя в зеркале, Катерина задумалась. Кажется, вышло слишком строго – просто классная дама какая-то. Иришка часто упрекает ее в несовременности. Так, где это... Она заметалась по спальне. Вот, последний «Космополитен». Так, тренды (господи, ну почему тренды? Кущее какое-то слово. Написали бы уж «тенденции» или «направления»). Разглядывая глянцевого страницы, которые предлагали «различные варианты макияжа и причесок, особенно актуальных этой осенью», Катерина пришла в замешательство. Прическу как на картинке можно сделать только в парикмахерской, и то не в любой. А макияж... Что-то как-то пестренько все. Да и нет у нее ни помады «выраженно сливового цвета», ни «теней оттенка груш „вилям крисп“». Вот балда, ведь была сегодня в центре и ничего не купила. А с другой стороны... Ей ведь не восемнадцать, и вообще как-то она себя плохо представляла с губами цвета спелой сливы. Нарисовав в уме свой ультрамодный облик, Катерина фыркнула, сказала вслух своему отражению: «Не была ты никогда модно прикинутой штучкой, так нечего и начинать» – и принялась за свой обычный вариант вечернего макияжа. Тени светлых тонов, перламутровая помада. Не слишком ярко, может статься, зато она себя уверенно чувствует и знает, что выглядит одетой и покрашенной со вкусом. Теперь волосы. Сейчас модно быть немножко растрепанной, но это как-то не вяжется с театром, да и вообще...

Пожалуй, можно выпустить локоны – они обрамляют лицо, и прическа будет выглядеть менее строго.

Теперь украшения. Она выбрала в шкатулке длинные витые серьги из золота и браслет – крупные дымчатые топазы, каждый из которых как сетью опутан тончайшей золотой проволочкой. Застегивая украшение, Катерина в который раз любовалась изящной работой и игрой света на гранях камней. Иришка всегда откровенно скучала, если, поддавшись на уговоры подруги, забредала вместе с ней в ювелирный магазин. С ее точки зрения, единственным критерием качества любого ювелирного изделия является его цена – чем дороже, тем лучше.

Катерина и сама не смогла бы объяснить, откуда у провинциальной девушки из семьи инженеров такая любовь к драгоценностям. У мамы только и было что обручальное колечко да пара серег. Зато в доме имелись альбомы с репродукциями картин – огромный пыльный шкаф, битком набитый книгами. Они жили на первом этаже, и в окна заглядывали кусты сирени, деревянные полы источали тонкий смолистый аромат, пыль от книг плясала в солнечном луче, а девочка в старом и скрипучем кресле-качалке часами рассматривала цветные фотографии, любуясь платьями и украшениями, а заодно запоминая имена художников. Потом она стала срисовывать платья и украшения. Потом оказалось, что направления моды можно проследить по живописным полотнам. Потом она сделала в школе доклад на тему «История

костюма и аксессуаров как зеркало социально-политических отношений в эпоху Средневековья». Директор школы послала работу на конкурс в Москву, и Катерина заняла первое место: получила диплом и собственноручно написанный отзыв одного из преподавателей МГУ со словами одобрения.

Папа повесил диплом и письмо на стену под стекло, а Катерина вдруг стала мечтать о Москве.

Прежде ее мечты жить именно в столице были неконкретными, детскими. Но, попав однажды в столицу, девушка поняла, что хочет жить именно здесь. Отец приехал на одну из научных конференций, и Катерина, приложив немало усилий, уговорила взять ее с собой. Пока папа слушал доклады и участвовал в «круглых столах», она бродила по улицам и паркам, сидела в сквериках и понимала, что именно здесь ее дом. Она чувствовала себя странно спокойной в разномасштабной толпе, где ее никто не знал.

Накануне вступительных Катерина объявила родителям, что едет в Москву. Папа схватился за голову, мама пила валокордин. Сколько их уезжает вот так каждый год – мальчиков и девочек, полных уверенности, что они покорят столицу. Что вузы ждут именно их – гордость местной школы. И что получается? Поступают единицы, а остальные, не желая возвращаться в родную тишину, оседают кто в городе, кто в ближайших пригородах, цепляясь за любую работу – нянечкой в садике, вышибалой в ресторане. Но это еще как-то понятно и даже не зазорно. А то вот дочка-то Степана поеха-

ла в хореографическое училище, а теперь – теперь танцует в стриптизе, в ночном клубе. Отец месяц пил, стыдно было людям в глаза смотреть: провинция не Москва – тут свои законы.

Соблазн был велик – проявить родительскую волю и не пустить. Может, Катерина и осталась бы дома. Девочка всегда была послушна. Но, тихо переговариваясь друг с другом бессонными ночами, папа с мамой думали и о другом: а если именно там, в большом и чужом для них городе, девочку ждет судьба? Счастливая судьба? Папа взял отпуск и, купив билеты, поехал с дочкой в Москву. Он только качал головой, глядя на толпы молодых людей, штурмующих цитадель науки и образования. Катерина же летала как на крыльях и, странным образом, даже не волновалась особенно. Внутри нее жила какая-то странная уверенность – это начало. Она наконец прибыла в тот пункт, с которого поезд ее жизни отправится в большое и чудесное путешествие. Само собой, помогли и золотая медаль, и заступничество того самого профессора, который написал отзыв о работе Катерины.

Девушка словно попала в сказку: огромное здание университета, шпилем упирающееся в синее московское небо, казалось ей дворцом, а для нее это был храм. А музеи! Катерина бродила по залам Пушкинского, мечтая, как сможет использовать те или иные экспонаты в своей новой работе.

Она совершенно не нервничала даже на экзаменах, пре-

бывая в состоянии спокойной уверенности – она приехала домой. Этот город не отпустит ее. И все сложилось, все сбылось.

Глава 4

Катерина осталась жить в своей сказке. Она училась, бродила по Москве, все больше влюбляясь в дома, скверы и купола церквей, ощущая себя своей в толпе спешащих по делам людей. Должно быть, родители наделили ее счастливым характером, но соблазны, стоившие душевного спокойствия многим, текли мимо, оставляя девушку совершенно равнодушной. Она не пила, не курила, носила скромные юбки и джемперы и не страдала от вида сокурсниц, затянутых в навороченные кожаные штаны. Нет, она не чуралась компаний и даже несколько раз ходила на свидания – в кино, в театр. Но дальше поцелуев дело не заходило. Катерина ждала «своего» мужчину и спокойно, но твердо отказывала всем остальным. Так же однозначно она отказала и профессору. Тот привык считать Катерину чем-то вроде своей собственности, но не торопился, выжидая, пока большой город научит провинциалку уму-разуму. Катерина беспрекословно печатала для него статьи, вычитывала корректуру и выслушивала монологи не лишнего тщеславия человека. В конце концов Семен Петрович решил, что ждал достаточно, и как-то в пятницу, узнав, что Катерина еще не закончила перевод статьи, велел привезти работу вечером ему домой. Девушка вздохнула – в общежитии намечалась вечеринка, но не спорить же – и пошла на кафедру печатать. Лаборант – симпатичный Дима,

который, по всеобщему убеждению, мог быть девушке только подружкой – сочувственно поцокал языком:

– Опять тебя Семен эксплуатирует? Пора с него деньги брать.

– Да ладно. – Катерина уже стучала по клавишам. – Мне не трудно, а он должен скоро докторскую защищать. И потом он так со мной вечно носится... Книги мне таскает, альбом из Италии привез.

– Кстати, об Италии. А ты слышала, что кто-то поедет на полгода на стажировку?

– Правда? – Девушка вздохнула. – Ну, пошлют кого-нибудь из москвичей, как обычно.

– Да уж. Хотя уступи ты Семену, он тебя вполне может протолкнуть.

– Не болтай глупостей!

– Почему это? Он аж потеет, как тебя видит.

– Перестань, Дим, ну что ты... – Катерина покраснела.

– Да ладно, ты ведь уже большая девочка... А если то, что я говорю, тебе в голову не приходило... то ты еще и глупая большая девочка. Но кто предупрежден, тот вооружен.

И он убежал в буфет, а Катерина сидела с горящими щеками и смотрела на монитор. Черт, а ведь, наверное, Дима прав. Она слишком наивна. И какого черта профессору понадобилась статья сегодня вечером, если завтра утром он придет на работу? Вот расписание на стене... Так и есть – первая пара – лекция Семена Петровича. Та-ак. И что де-

лать? Не ехать? Ну нет. В конце концов, что она, с профессором в случае чего не справится? Катерина знала один-единственный прием – коленкой по яйцам, – но свято верила, что он валит с ног любого и легковыполним даже для неумелой девушки. Правда, до этого не дошло.

Семен Петрович распахнул дверь после первого же звонка. Был он свежевыбрит и благоухал одеколоном. Катерина протянула статью через порог и сказала:

– Вот, Семен Петрович, привезла.

– Спасибо, Катерина, да ты заходи... – Он улыбнулся и добавил: – Чайку попьем, у меня торт есть – пальчики оближешь.

– Нет, спасибо. – Катерина смотрела ему прямо в глаза. – Вы извините, но я из провинции, а у нас не принято, чтобы вот так в гости к мужчине, да еще преподавателю... К тому же мне еще к завтрашнему семинару надо готовиться... До свидания!

И она, не дожидаясь лифта, побежала вниз по лестнице.

– Катерина!

Но она не остановилась. Профессор смотрел в лестничный пролет, слушал стук каблучков и не знал – смеяться или сердиться. Вот мерзавка! Ну да куда она не денется...

Но дальше все пошло хуже. Катерина по-прежнему беспрекословно выполняла всю работу, но стала так прозрачно-холодна, что Семен Петрович терялся и робел, как мальчишка. Вся кафедра, затаив дыхание, следила за развитием

событий. Кое-кто даже пари заключал – чем кончится противостояние профессора и студентки. Большая часть мужчин была уверена, что девушка хочет в Италию, а дамы стояли за то, что Катерина ждет, пока профессор созреет до предложения руки и сердца. Семен Петрович был в разводе вот уже лет пятнадцать и все это время ни в чем себе не отказывал. Один Дима, посмеиваясь и помалкивая, жалел девчонку, попавшую в столь двусмысленное положение и желавшую одного – чтобы от нее отстали.

В конце концов кульминационный момент все же настал. Профессор, лишившийся покоя на пятьдесят пятом году жизни, вдруг решил, что негоже мучиться из-за какой-то неблагодарной девчонки, и решительно попросил Катерину подойти к нему после семинара. Она кивнула и явилась к кафедре, как было велено. Семену Петровичу казалось, что он являет собой фигуру почти трагическую – взрослый, солидный человек, потерявший покой из-за молодой свистушки. Но в глазах Катерины все было не так: она смотрела и видела перед собой невысокого, с брюшком человека, к которому относилась с уважением, ибо он был ее преподавателем и «достиг степеней известных», и научные его труды были итогом поистине большой любви к науке и кропотливой работы. Но – не более того. Поэтому разговор получился каким-то бестолковым, словно каждый говорил о своем.

– Катерина, – Семен Петрович пристально и даже строго смотрел на девушку, – вы знаете, что на кафедру выделено

два места для стажировки в Италии?

Девушка кивнула.

– Вы хотите поехать?

– Нет...

– Так вот, в этой жизни... Что?

– Я не хочу ехать. – Карие глаза теперь смотрели прямо ему в лицо, и Семен Петрович вдруг почувствовал, как жаркая волна заливают щеки и лоб.

– Но почему?

– Потому что... ходят слухи, что путь в Италию лежит через услуги начальству. – Она слегка покраснела, но глаз не отвела. – Я поеду потом... Рим довольно древний город, но, похоже, он простоит еще долго... успею.

В аудитории стало тихо. Потом Семен Петрович совершенно неожиданно для себя самого сказал:

– Катерина, а может, вы выйдете за меня замуж? Тогда мы могли бы поехать вдвоем... Меня пригласили читать лекции в университет Милана.

Глаза девушки наполнились слезами. Теперь она чувствовала себя виноватой. Надо же, чего только все ни говорили, вон и Дима туда же, а Семен Петрович ее замуж зовет! Это совершенно неповторимое чувство, когда вам первый раз в жизни делают предложение. Он все-таки хороший, и тем жальче... Слезы потекли по щекам. Она замотала головой и прошептала:

– Простите, но я не... не могу.

– Почему? – Семен Петрович вдруг успокоился. Достал платок, подошел – хоть всего минуту назад боялся даже шаг сделать в ее сторону. – Возьми.

Она послушно взяла пахнущий его одеколоном платок, вытерла слезы и нос. Он уже знал, что услышит, но не мог остановиться. Приподнял ее лицо за подбородок и спросил:

– Ну же, детка, я вам так не нравлюсь?

– Нет... то есть да... Нет, я вас очень уважаю, но не люблю! – выпалила девушка, глядя на него сквозь мокрые от слез ресницы.

Он засмеялся. Катерина застыла. Ждала чего угодно, но не смеха. Семен Петрович погладил ее по голове, вздохнул и сказал:

– Знаете, Катерина, вы, должно быть, правы. Просто я стал старым циником и вдруг позабыл, как это – когда не любишь. И когда любишь.

– Вы не сердитесь? – Она чувствовала себя глупой девчонкой и только теперь испугалась.

– Нет, – по-прежнему улыбаясь, сказал он. – Скорее, я благодарен вам. Я вдруг словно помолодел лет на двадцать... думаю, это пошло мне на пользу.

Катерина во все глаза смотрела на мужчину, плохо понимая, о чем речь. А Семен Петрович продолжал:

– Надеюсь, без обид?

Она кивнула.

– Вот и славно.

И он ушел. После этого разговора отношения их лишились напряженности и неожиданно обрели некую дружескую теплоту. Кафедра терялась в догадках – никто не знал, чем же все кончилось? Не может быть, чтоб ничем! Катерина повзрослела, пройдя через этот несостоявшийся роман. Только потом она поняла, как ей повезло, что Семен оказался нормальным, хорошим человеком. Она стала сдержаннее в словах и с осторожностью относилась к особям противоположного пола, в изобилии сновавшим вокруг.

Учеба давалась ей легко, и появился даже шанс остаться в аспирантуре, но тут она встретила Александра. Высокий, темноволосый и зеленоглазый – он покориł ее сразу и навсегда.

Потом появилась Настя – и научная карьера растворилась в туманной дали. Впрочем, Катерина ни разу об этом не пожалела.

Хлопнула дверь – пришел муж. Катерина поспешно убрала шкатулку и выскочила в коридор. Конечно, ей не удалось быть первой и на этот раз – Настя уже висела у отца на шее:

– Папа! Покатай!

– Настя, отстань от него, мы опаздываем.

– Ну папа-а!

И папа, посадив свое визжащее сокровище на спину, на четвереньках поскакал по квартире.

– Сашка, брюки испортишь! – Но смех удержать было невозможно, и суровый тон не получился.

Потом Тане и хозяйке пришлось отрывать лихую наездницу от слегка взмыленного скакуна и под вопли протеста выдвора́ть в детскую. Перемирие было достигнуто, после того как мать пообещала в выходные совместный поход в зоопарк и катание на «взаправдашной» лошади. Наконец, поправляя растрепавшиеся волосы, Катерина вернулась в кухню. Александр торопливо глотал ужин. В очередной раз посмотрев на часы и обжегшись мясом, он состроил жалобную мину и спросил жену:

– Расскажи – где была, что делала?

Она налила ему кофе и села напротив:

– Ездили с Иришкой по магазинам.

– А, разорительницы. И как?

– Вот, новое платье. Тебе нравится?

– Красиво. – Он одобрительно кивнул. – Тебе идет.

Катерина прекрасно знала: не скажи она – муж и не заметит, что на ней новое платье. Он не был равнодушным и не страдал отсутствием вкуса – ему нравились хорошо одетые женщины и красивые вещи. Но в силу какой-то специфики мужского взгляда он никогда не смог бы вспомнить, во что же именно была одета женщина.

Александр вновь переключился на мясо, а Катерина, задумавшись, молча смотрела на него. Как же он все-таки красив, в который раз думала она. Гладкая смуглая кожа – почему-то даже зимой он умудряется сохранять загар, не пользуясь солярием и не летая в солнечные края, чтобы скрасить москов-

ское слякотное межсезонье. Лицо с правильными чертами, яркие зеленые глаза в пушистых ресницах. Темные волосы чуть выются. Они такие мягкие на ощупь – говорят, это свидетельствует о доброте и слабости характера. Он и вправду очень добрый, но вот насчет характера... Нравом муж обладал твердым и решительным. Если к этому добавить наличие определенных принципов и стремление быть честным с собой и окружающими, получался портрет человека, которому не так уж легко вести дела в сегодняшнем мире бизнеса. Ее взгляд задержался на губах и твердо очерченном подбородке мужа. К вечеру у него слегка отросла щетина. Она колется... Она так чудесно колется, когда он целует ее грудь...

В этот момент Александр, озадаченный молчанием жены, поднял глаза. По вспыхнувшему лицу Катерины нетрудно было понять, о чем она думала. Он отодвинул тарелки и, обхватив за талию, притянул ее к себе на колени.

– Может, и не пойдем никуда, а? У нас есть бутылка твоего любимого сухого... Уложим Настю... – Он губами щекотал розовую раковину ее ушка, покачивались витые серьги, потом его горячее дыхание коснулось шеи, и по телу молодой женщины пробежала дрожь возбуждения. Рука мужа поглаживала колени и постепенно забиралась все выше. Наконец пальцы его коснулись шелковистой кожи над краем чулка.

– Ну уж нет! – Катерина выскользнула из его объятий. – Мы сто лет нигде не были. Я хочу в театр. Ну же, милый, доедай, и пошли.

Александр испустил глубокий и печальный вздох, демонстрируя разочарование, встал и, заглянув в золотистые глаза жены, негромко сказал:

– А сухое я все-таки поставлю в холодильник... К нашему возвращению... – и засмеялся, потому что от его взгляда жена покраснела, как девочка.

Они все же поехали в театр. Спектакль понравился обоим, но половину удовольствия составляла сама театральная атмосфера. Детским ожиданием чуда отзывались праздничное волнение, музыка, свет, шорох занавеса и ощущение значимости того лицедейства, что происходит на сцене.

В антракте они пили шампанское в театральном буфете, оформленном в «раннесоветском» стиле, закусывая «Миш-ками». Тяжелые деревянные шкафы теснились вдоль стен. На одном примостился старенький телевизор с линзой, на другом – тарелка-радио. Под стеклом столиков разложены старые открытки, афишки и даже фотографии. Тяжелые бархатные портьеры на окнах надежно изолировали этот уголок от шума московских улиц. Здесь было несуетно и спокойно.

Теперь они могли позволить себе билеты на самый дорогой проект. Но ближе всего Катерине оказался именно этот театр. Красного кирпича здание, старое, но не помпезное, очень спокойно обитающее на улочке в центре, казалось местом, где ждут старые друзья. Смешно сказать, но, накладывая макияж перед походом в театр, тушью Катерина никогда не пользовалась: вдруг потекут слезы – такое часто бывало.

Когда они вернулись, Настенька тихо сопела в своей кровати, а Татьяна спала на диване в гостиной, уронив голову на учебник гражданского права. Они со смехом разбудили ее, и Александр отвез девушку домой. Когда он вернулся, жена была в ванной. На столике в спальне горела маленькая стеклянная лампа – фитилек плавал в густой жидкости неожиданно ярко-фиолетового цвета. Огонек лампы мигал, бросая причудливые тени на стены, мебель и портьеры и делая таинственной хорошо знакомую комнату. Рядом с лампой на столе стояли два бокала, бутылка вина и ваза с фруктами. Он прислушался – из ванной все еще доносился плеск воды и голос Катерины, мурлыкавшей какую-то песенку. Он торопливо разделся, взял в одну руку бутылку, в другую – бокалы, наклонился, зубами выхватил из вазы гроздь винограда и пошел в ванную.

Глава 5

Катерина прислушалась – закрылась входная дверь, Александр ушел на работу. Улыбаясь, она свернулась калачиком и натянула на себя одеяло. Настенька еще спит, и можно просто полежать, прислушиваясь к приятным ощущениям, все еще наполнявшим ее тело. Сладкая истома после занятий любовью вообще одно из самых приятных чувств на свете. Александр любил заниматься сексом по утрам. По вечерам, впрочем, тоже. Но утром это всегда было как-то особенно нежно, как перед расставанием, хотя он уходил всего лишь в офис. Но, помня строки стихотворения Кочеткова, «...и каждый раз на век прощайтесь, когда уходите на миг...», молодая женщина старалась провожать мужа так, чтобы ему хотелось как можно скорее вернуться.

Катерина зажмурилась – лучик солнца пробился между портьерами и щекотал глаза. Пора вставать. Сон ушел, и нарастало нетерпение – этот день будет чудесным, почему бы не начать его наконец. Она соскользнула с кровати и, утопая босыми ногами в густом ворсе кремового ковра, подошла к окну, раздвинула портьеры. Солнце, по-осеннему нежаркое, но все еще ласковое, залило спальню. Щурясь, разглядывала пруд внизу и пыталась осознать то странное ощущение счастья, которое наполняло ее душу. Словно ожидание чуда. Может, она забыла, а сегодня какой-нибудь праздник? Кате-

рина подошла к бюро, перелистала ежедневник в красивом бархатном переплете – подарок мужа. Нет, никакого праздника сегодня не значилось, и особых дел запланировано не было. Пунктом первым на сегодняшний день была записана уборка квартиры. Как ни странно, ничего против она не имела. Это дом, о котором она столько мечтала, – и даже убирать его было в радость.

Сначала они жили с родителями мужа – просторная трехкомнатная квартира позволяла вести мирное сосуществование, хотя было совершенно очевидно, что Нина Станиславовна недолюбливает невестку. Подруги – в основном жены дипломатов, с которыми служил отец Александра, – сочувственно выслушивали рассуждения о том, что Сашенька мог бы подыскать себе более достойную партию. Правда, не все соглашались. А лучшая подруга Зинаида как-то раз заявила:

– Дура ты, Нинка. Радоваться должна на свою скромницу. И где он только выкопал такое сокровище? Не курит, лишнего рубля ни разу не попросила... Готовить не умеет? Ну так научи. Вон у Н-ских – какая девочка была – сплошные кудряшки и веснушки. Три иностранных языка, манеры как у великосветской дамы – ангел, а не ребенок. Ну и что из нее выросло? Недавно она вернулась из санатория в Швейцарии, и все без толку. Говорят, она опять колется... Так что тебе грех жаловаться на невестку.

Нина Станиславовна только поджимала губы. Отсутствие дурных привычек и независимость невестки как раз и выво-

дили ее из себя. Она действительно ничего не просила. Но и не считала себя обязанной принимать советы и указания, даже если они сопровождались обычными в таких случаях заявлениями: «Я о вас же забочусь» и «Поверьте моему опыту». Когда Александр купил квартиру, Нина Станиславовна воспрянула духом – теперь-то им не обойтись без ее советов, а еще лучше – это сейчас так модно – пригласить дизайнера, чтобы он разработал единый стиль для квартиры. Конечно, это дорого, но зато все будет со вкусом и по последней моде, учитывая даже философию фэн-шуй. Но молодые захотели сами обставить свое жилище, отказавшись и от субсидии, и от советов. Сначала из всей мебели были только кухонный гарнитур и матрас на полу в спальне. И куча коробок с книгами в гостиной. Катерина улыбнулась, оглядывая выдержанную в персиковых, бежевых и кремовых тонах спальню. Может, все это и не удивительно стильно, но зато очень уютно. А детская – сколько радости доставили им эти покупки! Вместе с мужем они сотворили чудесный мир для девочки – светлый, яркий, мягкий, где можно ползать по полу и рисовать на стенах, где полно мягких игрушек, а с потолка свисает обезьянка и держит в лапах матовый шар люстры. Кто сказал, что это мешанство? Девочка должна расти среди цветов, бантиков, кукол, кружевных платиц и добрых плюшевых зверей.

– Мама!

Тишина кончилась. Катерина поспешила в детскую:

– Кто тут шумит? Где моя дочка?

Из-под подушки доносилось громкое сопение, но ведь, если найти сразу, будет неинтересно, поэтому мама стала обходить комнату, заглядывая во все углы и приговаривая:

– Где же она? Убежала, наверное... А кто же будет кашу есть? А пылесосить маме помогать? Придется позвать соседскую девочку... – Катерина еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться, краешком глаза поглядывая на маленькую попку, торчащую из-под подушки, и розовые пяточки, нетерпеливо елозившие по простыне.

Наконец терпение ребенка лопнуло – показалась смеющаяся рожица, и, подпрыгивая на кровати, Настя завопила:

– А-а, не нашла! Не нашла!

Вскоре они уже сидели в кухне и дружно ели овсянку из миски, на доньшке которой был нарисован толстощекий заяц. Потом мама и дочка вместе убрали квартиру, а вскоре пришла Таня, няня-гувернантка. Катерина собиралась в спортзал, а Танечка, одевая Настю гулять, торопливо рассказывала хозяйке последние новости о своем романе с преподавателем. С точки зрения Катерины, роман был несколько односторонний, то есть состоял в основном из Таниных вздохов и переживаний.

– Танечка, я не люблю разговаривать на пороге, вернусь к обеду, вы мне все как следует расскажете, хорошо?

– Я не доживу до обеда, – жалобно протянула девушка, – я умру... Умру от...

– Неразделенной любви? – подхватила Катерина.

– Нет, скорее от голода, я утром не позавтракала. Худею.

– По-моему, вы делаете глупости. Ведь ваш организм еще растет, и ему нужны витамины. А то испортите обмен веществ – волосы потускнеют, ногти будут ломкими, а ваш Вячеслав Алексеевич (так звали объект Таниной страсти) даже смотреть не будет в вашу сторону.

– Ой, как страшно! – Таня округлила глаза, и, поколебавшись, спросила: – Вы правда думаете, что мне не нужна диета?

– Правда. А лучше спросила бы свою маму – она очень разумный человек.

– Ну, в общем, мама сказала то же самое, – призналась Татьяна. – А можно я тогда быстренько сделаю себе спасительный бутербродик, а то у меня урчит в животе и уже, кажется, ногти ломаются.

Через десять минут Таня и Настя, каждая с бутербродом в руках (как выяснилось, у Насти тоже урчало в животе – она предлагала послушать всем желающим), отправились наконец гулять. А Катерина поспешила в спортзал.

Теперь поход за собственной фигурой стал привычным. Когда Катерина кормила дочку – до полутора лет грудным молоком, не слушая никого и не настаивая на прикормах, – она смотрела на толстенькие розовые щечки, ясные глазки и, даже не имея специального медицинского образования, понимала: все разговоры о том, что ребенок чего-то там недо-

получает, – чушь. Малышка ела, когда хотела. Спала с мамой, не выпуская сосок изо рта, и была абсолютно счастлива. Александр, правда, коротал ночи по большей части на диване, но переносил лишения мужественно. Кто не слышал страшилки друзей и родственников про беспокойных детей, которых бедные, измученные родители носят на руках ночи напролет? Так уж лучше пусть спит с мамой, зато крепко и не плачет. Катерина, счастливая, ела за двоих, гуляла с коляской и не особенно обращала внимания, что из одежды теперь носит только легинсы и просторные пуловеры. Но когда Насте было уже полтора года, Катерина подхватила тяжелую простуду, которая дала осложнения, и врач, качая головой, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.